

СТИХИ НИКОЛАЯ СТРАХОВА, КРИТИКА И ФИЛОСОФА

В историю русской словесности Николай Николаевич Страхов (1828–1896) вошёл как публицист, литературный критик (“тончайший”, по определению А. Фета) и философ. Его перу принадлежат сохраняющие и поныне своё значение статьи о Пушкине, Тургеневе, Толстом, Достоевском, о литературной жизни 60–80-х годов XIX века. Он был из числа тех, кто, по меткому наблюдению Н.Н. Скатова, “внешне вроде бы не выходя на первый план, играют роль гораздо более существенную, чем принято обычно думать” (см.: Страхов Н.Н. Литературная критика. М., 1984. С. 5).

Однако Страхов обладал ещё одним талантом – поэтическим. Правда, сам он не обольщался насчёт своих “небольших попыток художественного писания”, относясь к ним снисходительно и надеясь на доброжелательное понимание со стороны читателей, которые “не станут подозревать во мне больших притязаний”. И словно извиняясь и заранее благодаря, Страхов писал: “В душе поэтов творчество горит ярким пламенем, но искра такого таланта часто теплится и в других людях” (Страхов Н.Н. Воспоминания и отрывки. СПб., 1892. С. 297). А в начатой, но неоконченной им “Истории моих стихов” Страхов, “благоговей” перед поэтами и выделяя их “из всего мира умных существ”, объяснял свою любовь к ним тем, что “в их творениях больше истинного, нежели сколько есть во всех глубоко-мысленных мечтаниях философов”. И добавлял: “Можно сделаться философом, потому что можно всякому более или менее привыкнуть к отвлечению и к логике, но без естественно-мягкой души и упругого дара слова нельзя быть поэтом” (Нива. 1897. № 10. Стлб. 283, 284).

Свои стихотворные опыты Страхов представил в книге “Воспоминания и отрывки”, куда вошло 20 стихотворений, девять из которых были опубликованы ещё в 60-е годы, в периодических изданиях, а девять других – в том же, 1892 году в “Русском обозрении”

(№ 9. С. 5–12). И уже после смерти Страхова увидели свет семь его неизданных стихотворений (Нива. 1897. № 10. Стлб. 279–294).

Его первое напечатанное стихотворение “Ночная заметка” появилось за подписью Н.С. в шестой книжке “Современника” (1854) как полемический отклик на стихотворение А.Н. Майкова “Весенний бред (М.П. Заблоцкому)”, опубликованное в четвёртой книжке “Современника” за тот же, 1854 год. Майков утверждал приоритет поэтического чувства, для него ближайший путь к истине не в доводах разума, а в поэтическом откровении. В своём стихотворном ответе Страхов выступил в защиту разума, однако не противопоставляя науку поэзии, не рассматривая их как нечто друг другу враждебное. Беда не в том, заявляет он, что “слаб у человека разум”; “Беда – заносчивость кичливая ума, / Беда – к умам других неправое презренье”.

Убеждённый рационалист, Страхов прошёл школу классической немецкой философии и вынес из неё историзм мышления, трезвый взгляд на жизнь, веру в могучую силу познания. Из автобиографии Страхова известно, что он был большим книголюбом, “книгоедом”, как сказано им в “Ночной заметке”. И когда он в том же стихотворении пишет о себе: “...меня давно уж поглотил/Безмерный мысли мир, вселенная познаний. / Чарующая глубь влечёт меня к себе”, – эти его строки можно воспринимать не как условную художественную формулу, но как выражение внутренней сущности поэта, предопределившей отличительные особенности его произведений.

В герое лирики Страхова в значительной степени воплотились черты духовного облика самого поэта. Его герой постоянно рефлексует, он занят самоанализом, самоуглублением, что неминуемо ведёт к разочарованию жизнью. Горькие сетования облекаются в традиционные, романтические образы. Тут и “досада пустых огорчений”, и “какая-то грусть без предела”, и “Всё ложно в жизни повседневной”, и “мерзость пошлости и зла”, и прочие атрибуты романтической лирики.

Известная “литературность” сказывается и в разработке Страховым темы поэта, не понятого “злоречивой толпой” (“Не верь себе”, 1853; “Нет! затаи, поэт...”, 2-го сентября 1856; “Поэту”). В стихотворениях на эту тему Страхов перекликается с Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым. Так, строки:

Нет! затаи, поэт, свои порывы,
Для всех запри святилище твоё, –

“отсылают” нас к поэтической декларации известного стихотворения Тютчева “Silentium”:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои...

Отзвуки пушкинского сонета “Поэту (Поэт! не дорожи любовью народной...)” имеются в стихотворении “Не верь себе”:

Не дорожи же их участием,
За их хвалюю не гонись,
Не дорожи житейским счастьем
И ни пред кем не преклонись.

Обращённый к поэту призыв Страхова:

Будь гаером, актёром иль шутом,
Но берегися быть самим собою! –

заставляет вспомнить заключительные строки стихотворения Лермонтова “Не верь себе”: в них “толпа” иронически сравнивает поэта с разрумяненным трагическим актёром, “махającym мечом картонным”.

Возможно, своеобразные “поэтизмы”, ассоциативные связи с творчеством предшественников и современников объясняются особенностями социально-психологического, культурного облика лирического героя – человека начитанного, немного книжного. Как бы то ни было, влияние традиции в стихах Страхова преодолевалось искренностью и глубиной чувства, собственными интонациями. Философские мотивы при этом не выступают обнажённо, они как бы растворяются в лирических излияниях героя. Это характерная примета образного строя стихотворений Страхова.

Для Страхова-поэта характерно стремление к простоте выражения. Одно из его бесспорно лучших произведений, в котором этот принцип получает высокое художественное воплощение, – стихотворение “Далеко” (1858). С завидным мастерством в нём запечатлено благоговейное отношение к женщине, преклонение перед её красотой. Страхов обратился здесь к форме октавы, которая своей развёрнутостью, законченностью и гибкостью помогла ему достичь большого поэтического воздействия. Той же простотой и безыскусственностью отмечены и другие его стихотворения – “Комета”, “Грёзы”, “Юность”, “Заботы”, “Воробьёвский парк”, “Ночь (П.А. Кускову)” и др.

Философская направленность поэзии роднит Страхова с Тютчевым и поздним Фетом. О Тютчеве, например, вспоминаешь при чтении “Заботы” (1853), переключаясь – и в идейно-тематическом плане, и образным строем – со стихотворением “Из края в край, из града в град...” В обоих произведениях выражено осознание полной зависимости от общего хода жизни. Их ритмика создаёт полную ил-

люзию непрерывного, безудержного движения “вперёд, вперёд!”. И слова в них тоже в движении: заканчивая одну мысль, они тут же начинают новую. Образ “беспощадно-строгого бича” в “Заботах” соответствует тютчевскому – “судьбы-вихря”, сметающего на своём пути людей. Душевное смятение человека, бессильного перед судьбой, находит адекватное выражение у обоих поэтов.

Не время радоваться нам
И вспомнить и взгрустнуть не время;
Что мимо – то осталось там!
Ничто не дорого, всё время, –

читаем мы у Страхова, и это заставляет нас вспомнить Тютчева, который, умоляя и заклиная возлюбленную не оставлять его одного в этом страшном мире, приходит к заключению:

Не время выкликать теней:
И так уж этот мрачен час.

Трагическим “вперёд, вперёд!” объясняются эти неумолимо-строгие: “Не время радоваться нам”, “Не время выкликать теней”.

Летим, смысл жизни потеряв;
Там бездна!.. Что она? Не знаем
И не опомняся, стремглав
В ту бездну мрака упадаем.

Связи с Тютчевым обнаруживаются также в стихотворениях “Опять грущу...” (7-го декабря 1845) и “Жизнь” (1857). В первом мысль о человеке и его земном существовании через сравнение с аналогичными явлениями в природе наполняется философским содержанием – наиболее распространённый у Тютчева структурный тип. Во втором – человек получает “тютчевскую” масштабность, он способен обнять своей мыслью и чувством Вселенную и обнаружить в ней “хаос”:

И небо, и землю,
И жизни красу и печаль
Я взором объёмлю,
И вижу, и внемлю –
Хаоса безбрежную даль.

Влияние позднего Фета (периода “Вечерних огней”) также ощутимо в поэтическом творчестве Страхова. Так, в стихотворении “Воспоминание” (1886) имеются отголоски фетовского образа “Вечерних огней”: Страхов создаёт по аналогии образ “безнадёжно гаснущего вечера”, “бледнеющего заката” жизни. Утверждение бес-

страхия перед лицом смерти (“того, что неизбежно”) в стихотворении 1884 года “Е.Е. (И осторожно, и небрежно...)” созвучно размышлениям Фета о смерти. Не случайно Страхов восхищался крепостью натуры Фета, его “жизненностью”, которая давала ему силу торжествовать над смертью (см. об этом: Благой Д.Д. Мир как красота. О “Вечерних огнях” А. Фета // Фет А.А. Вечерние огни. М., 1981. С. 625). Композиционная схема стихотворения Фета “Кому венец: богине ль красоты...” использована Страховым в его стихотворении “Эстетику”. Фет, как известно, провозгласил в этом стихотворении приоритет объективного мира перед субъектом, его воспринимающим:

Не я, мой друг, а божий мир богат.

Употребляя формулу Фета “не я, а...”, Страхов, как бы вопреки ему, восклицает:

Не мир хорош, а хороша
В тебе порой твоя душа.

Концовка стихотворения “Грёзы”:

И месяц, и звёзды, и розы,
Какая-то грусть без предела,
И ласки, безумные ласки,
И слёзы, горячие слёзы, –

характерно перекликается со стихотворением “Шёпот, робкое дыханье...”. Они похожи и конструктивно: построены только на запятых.

Печатью фетовского “целомудрия” отмечены строки из стихотворения “Извинение” (1887):

Невольно я ответил пенъем
На задушевный звук речей,
Внимание девственных очей
Невольным встретил умиленьем.

Наличие в стихах Страхова фетовского “элемента” подтверждает, между прочим, любопытный казус, не отмеченный в критике. В “Ниве” (1898. № 8. Стлб. 621–622) под рубрикой “Из посмертных стихотворений Н.Н. Страхова” было напечатано стихотворение... Фета “Солнца луч промеж лип был и жгуч и высок...”, впервые опубликованное в “Вестнике Европы” (1885. Т. I).

Скромное по объёму и значимости, но не лишённое самобытности и индивидуальности, поэтическое творчество Николая Страхо-

ва, несомненно, заслуживает внимания как историко-литературный, эстетический феномен, позволяющий глубже и полнее понять и самого автора, и нашу отечественную поэзию середины и второй половины XIX века.

П.А. Гапоненко ©,
кандидат филологических наук
Орёл

НИКОЛАЙ СТРАХОВ

Не верь себе

В минуту слабости душевной
Не верь, не верь себе, поэт!
Всё ложно в жизни повседневной,
И лжи в одном восторге нет.

Смотри, – не знают люди сами,
Что́ их волнует и влечёт;
То – кровь горячными струями
В их сердце трепетном течёт.

И детям радостным подобны,
Без меры мыслей и страстей,
Они безжалостны и злобны,
Как дети в резвости своей.

Не дорожи же их участием,
За их хвалою не гонись,
Не дорожи житейским счастьем
И ни пред кем не преклонись.

Лишь беспорочный дух поэта,
Как высший дар, не погуби,
И твой восторг, как искру света
Во мраке жизни, возлюби.

В минуту слабости душевной
Не верь, не верь себе, поэт,
Всё ложно в жизни повседневной,
И лжи в одном восторге нет.

1853

Заботы

Нас гонят! Слышите, свистит
Бичей размах неумолимый?
Смотрите – чёрный рой летит,
То рой забот неотразимый.
Им нет числа, им нет конца,
Все те ж, а кажутся другими,
Не обращая к ним лица,
Мы убегаем перед ними.
Летим. Мелькает день за днём,
Мелькают годы за годами;
Не время думать над путём
И любоваться сторонами,
Не время радоваться нам
И вспомнить и взгрустнуть не время;
Что́ мимо – то́ осталось там!
Ничто не дорого, всё бремя.
Всё – чувство, слово – тяжело;
Бич свищет беспощадно-строгий,
И свет ума, души тепло
Бросает в искрах по дороге.
И, бедны светом и теплом,
Спешим, сначала подымаясь
Всё выше, выше, а потом –
Невозвратно опускаясь.
Летим, смысл жизни потеряв;
Там бездна!.. Что́ она? Не знаем!
И не опомняся, стремглав
В ту бездну мрака упадаем.

1853

Жалоба

Как смутный сон, уходят дни за днями,
И каждый день для прошлого бледней;
Не дышит ум высокими мечтами,
Немое сердце спит среди людей;
Бессилим, как тяжкими цепями,
Я удручён во цвете лучших дней.
И я томлюся жизнью безотрадной,
Как язвою мучительной и смрадной.

Зачем же ты, жестокая судьба,
В меня святую искру заронила?
Зачем тобой мне суждена борьба
И не дана властительная сила?

Зачем рука и грудь моя слаба,
А ты огонь горящий в них вложила,
Огонь живой негаснущих стремлений,
Огонь стыда и горьких сожалений?

1853

* * *

Когда-нибудь, читатель добрый мой,
Когда затихнет боль воспоминаний,
Когда смирит божественный покой
И дум мятеж, и трепет пожеланий,
Я расскажу октавой золотой
Тебе всю немочь страдную страданий,
Всю грязь, всю мерзость пошлости и зла,
Всё, чем душа испугана была.

Не к этой жизни был я предназначен,
Иной мечтой мой ум обворожён!
Блажен, в ком гнев до гроба не утрачен,
Кто до конца со злом не примирён.
Но стыд тому, кто злобою охвачен
И умиленьем кротким не смягчён,
Кому так сладко гнева трепетанье
И чёрной желчи злое закипанье..

1856

Жизнь

Есть трепет – присущий
Природе и жизни людской,
Есть глас – вопиющий
В пустыне души молодой.

Внезапно и смутно
Промчится таинственный гром,
И видится – чудно
В ночи непробудной
Тьма мира сверкнула огнём.

И небо и землю,
И жизни красу и печаль
Я взором объеблю,
И вижу, и внемлю –
Хаоса безбрежную даль.

Безумно отважно
Гляжу я на ход мировой,
И дивно, и страшно
Свершается жизнь предо мной.

1857

К ней

Прелестных глаз немые речи
Давно прилежно я читал,
Но долго ждал я милой встречи,
Но долго сердцем тосковал.

Холодный блеск и взор жеманный
Меня не грел и не манил,
И ваших глаз огонь желанный
Невероятно был мне мил.

От ваших взоров, вашей речи
В огне и неге грудь моя;
В недолгий срок счастливой встречи
Надолго очарован я.

Я увезу на север дальней
Раздумье сладкое о вас;
В тиши труда и в зале бальной
Я не забуду ваших глаз.

29-го сентября 1859 г.

Комета

(Писано в 1859 г., когда видна была комета Донати)

Вот ночь, и странными лучами
Опять небесный свод блеснит:
Меж помрачёнными звездами,
Их застилая волосами,
Звезда косматая горит.

Как будто в бешеном стремленьи
Хвост разметавши за собой,
Она, полна недоуменья,
Остановилась на мгновенье
Над потемневшею землёй.

Невольно думаю: комета!
Увы! В былые времена
Ты, как зловещая примета,
была бы ужасом полсвета,
Для мудреца и для поэта
Томящей тайною полна.

И я, средь чёрных размышлений,
Тебя бы спрашивал с тоской:
“Что ты? Какой грозящий гений,
Властитель дольних поколений,
Из тьмы небес летит с тобой?”

Или, как на стенах чертога
Незримый некогда писал,
Так и тебя – не перст ли Бога,
Как букву заповеди строгой,
Огнём на небе начертал?”

Но слава Вышнему! Познали
Мы дух, которым мир храним;
Века проклятья миновали,
И думы страха и печали
Прошли – и не вернуться им.

Перед сияньем мысли смелой
Распался древний неба свод,
И без конца и без предела
Пространство мрака просветлело
И мирозданья тайный ход.

И ныне, радостно, комета,
Гляжу я, как блистаешь ты;
Ты не грозящая примета, –
Для взора вещего поэта
Ты – искра будущего света
Среди царящей темноты.

Настанут дни – мир обновится,
И человек, согбенный в прах,
Над миром смело воцарится
И ничего не утрашится
Ни на земле, ни в небесах.

Грёзы

В тиши моей жизни ничтожной,
В досаде пустых огорчений
И в шуме пустого веселья
Дремлю я душою тревожной.

Но полный тяжёлой дремоты,
Я чувствую, сердце тоскует,
И снится, и грезится вечно
Ему непонятное что-то:

Какие-то дни золотые,
Какие-то дивные речи,
Какие-то крепкие силы,
И мысли, и чувства святые,

И месяц, и звёзды, и розы,
Какая-то грусть без предела,
И ласки, безумные ласки,
И слёзы, горячие слёзы.

На смерть брата Павла

С чертами, смертью просветлёнными,
Передо мною ты лежал,
И долго взорами смущёнными
Я в смысл их тайный проникал.

На лбу, среди кудрей откинутых,
Какой покой и красота!
И этих губ, навеки сдвинутых,
Какая дивная черта!

Да, в мире злобном и поруганном
Ты был лишь гость, а не жилец;
И сердцем, жизнью испуганным,
Ты отдыхаешь наконец!

1861

Воробьёвский парк

Когда душа твоя чиста
И безмятежно сердце бьётся,
Ступай туда, где тень густа,
Где жаркий луч сквозь ветви рвётся.

Там будет всё тебя ласкать:
Свет, воздух, чудный вид с дорожки,
И золотые будут мошки
Вкруг головы твоей мелькать.

Но если духом ты взволнован
И шевелится страсть в груди, —
В мой парк ты лучше не ходи:
Он тайной силой зачарован.

Тебя луч солнца обожжёт,
Пень сам под ногу подвернётся,
И вид чудесный пропадёт,
Клещ жадный в грудь тебе вопьётся,
И будут жалить мух полки
Твой лоб, и шею, и виски.

1878

Воспоминание

Всё помню: звук морских зыбей,
И крест над дружеской могилой,
И как зажёгся образ милый
В душе померкнувшей моей.

Черты – бледнее изваянья,
Но жизнь во взоре молодом,
И в сердце трепетно-больном
Великодушные желанья, –

Благословенны им стократ!
Мой вечер гаснет безнадежно.
Но вы взошли звездою нежной
На мой бледнеющий закат.

1886

